

Нина КРОМИНА

КАШТАНОВЫЕ СВЕЧИ

Татьяна плакала. Слезы текли беззвучно, сами по себе.

— Правильно, поплачь, деток обмыть надо, — сказала санитарка, провозя каталку по длинному коридору больницы. И, очевидно, желая как-то утешить, добавила: — А волосы у тебя красивые.

Татьяна вспомнила, что в «Войне и мире» читала, что некрасивых всегда утешают словами об их красивых волосах или глазах. Вспомнила княжну Марью в исполнении Антонины Шурановой. Актриса была хороша, а роль ей досталась дурнушки. Но у Марьи была душа, а у нее, Татьяны, есть ли душа? И от того, что стало от этих слов еще муторнее, опять заплакала, тихо.

Плакала она и потом, когда заболел муж и началась ее новая беременность, но не ребеночком, а его и ее страданиями. Теперь, когда подходил к концу восьмой месяц, она уже была не она. Если раньше ей казалось, что сможет выдержать все, то теперь рухнула ее вера в себя, свои силы. С позором для себя она истерила. Орала, кусала руки, била жалкими кулачками по чему попало. Весь мир стал ощерившимся, страшным зверем, в котором никто, никто не мог помочь и разделить. Особенно ее страшила медицина. Каждый визит в районную поликлинику к врачам, хододным и безразличным, ранил так сильно, что она теряла голову. На ее просьбу выдать направление на лечение в какое-либо, любое, медицинское профильное учреждение она неизменно слышала:

— Женщина, выйдите из кабинета. Не мешайте мне работать...

Кто-то говорил, что Бог нам в помощь, но ей казалось, что и он отвернулся и ее не знал, но все равно шла, шла, шла к нему, припадала к ногам икон и распятий.

Иногда кто-то, участливый к ее беде, вспоминал свое, тоже большое горе, что не утешало, потому что у нее было свое горе, а не чужое.

Дети жили своей жизнью, молодой, работа, дети.

У Татьяны Ивановны был только он, ее муж, ее друг, ее опора, ее ангел хранитель. Когда они работали вместе, к ним в офис, по приглашению хозяйки фирмы, заходил известный в советское времена медик, то ли телепат, то ли энерготерапевт, так он прямо говорил: «У вас, Татьяна, два ангела, земной и небесный». И вот на тебе. Кушай. Огребай по полной.

Все началось с его опухшей ноги, и они говорили, вернее, говорила она, а он время от времени соглашался, что надо бы обязательно сходить к врачу. Но вот уже несколько дней откладывали.

В чудесный октябрьский день, почти в его день рождения, поехали с друзьями на Акулову гору, за которой дыра, в которую медленно и верно спускалось солнце. Оказалось, что это очень интересное место, крошечный пятачок земли обетованной в обрамлении наступающего всеядного города. Концептуально. Могучая фигура поэта в центре территории, артефакты, которые рассматривали с дотошностью краеведов, фоткались, пили чай в беседке, похожей на не достопамятную, на даче — слайды, строгий экскурсовод, настоящая дыра, еще до канала, вот мама, Брики, сам. Надо почитать Быкова. Купила, а он все лежит. «Тринадцатый апостол». Потом между дачных домиков по тропке спустились к сухому каналу, промчался мальчишка на велике, за ним девчушка, почти Татьяна, такая же безбашенная, несется, разгоняя ветер. Не знает, что навернуться с горы дело нешуточное. Хорошо, если покарябаешься, а если перелом или еще что? Можно и коня потерять. Вдрызг. Втулка полетит, колесо в сторону. А сама? А сама ничего...

Еще до Акуловой горы был Вахтанговский. Татьяна с мужем в недавние времена и туда частенько наведывались. Муж ходил еще в детстве со своим дедом в директорскую ложу, и мальчику там все очень нравилось: и ложа, и Олеко Дундич. И лет через пятнадцать так случилось, что после долгой разлуки опять встретились в Вахтанговском, и чтоб уж навсегда. И долго потом туда ходили. Все больше на Туминаса.

Бутусов тоже им нравился, но оказался тяжел, разрушителен для их психики, и, чтобы не умереть прямо там, на спектакле, Татьяне приходилось молиться. Что не умаляло

достоинств режиссера. Гениальный. Сложный. Чего не скажешь про «Генерала и его семью». Там просто очень и очень хорошо. Мужу близко. У него отец был военный. Так вмастилось. Такой подарок от Вахтанговского, от самого Крока.

Ничего-то ничего, а к врачу идти все-таки пришлось. Нога у мужа продолжала расти, появился кашель, температура. Поликлиника. Больница инфекционная №1. Говорят, новая, по американскому образцу. Еще в неведении. Но уже начались мытарства. А потом, в междомовье, где кружились в танце опавшие листья и перешептывалась удержавшаяся листва, Татьяну настиг звонок. Но сигнал, такой слабый, прерывался, довольный голос, как из преисподней, и Татьяна Ивановна догадалась, из больницы.

— Повторите, повторите, пожалуйста... Что? Выбросить телефон?

— У вашего мужа саркома. Не тяните.

И все, и гудки... И что теперь?

— Женщина, выйдите из кабинета, вы мне мешаете работать, нет у нас направлений в онкологию, что вы хотите, ему семьдесят восемь, езжайте в Склиф, у него же почки... Мы почками не занимаемся, это по месту жительства.

Как мячиком перекидывались. В Склиф на скорой, обратно, как хочешь, хорошо дети при машинах. Эти со вниманием. Но не за нее, за себя, отвезли, привезли и ушли к себе, в свое, а она мыкай, из рук все валится, магазины, сломанный телефон, денег нет, советы бывалых. Кнопочный телефон от сына. Подарок. Удружил. Забери себе. Купила сама. «Самсунг». Двадцать тысяч. Это же для нее с ее пенсионными месяца жизни. А что поделаешь?

Нашла через знакомых какую-то даму, всемогущую. Езжайте на Речной вокзал, припишут к области, возьмут к Блохину, суньте пятерку, и мне двадцать, и тому пятерку, а на ресепшене девочке тысячу.

Валил снег. Осадки месячная норма за день. Колеса вязнут. Задели каких-то джигитов. Ни царапины. Заплатили им пять, кинули еще десять, спешили к одиннадцати, пробки, у Блохина не взяли.

«Идите в районную, там помогут». «Что же вы, всемогущая?» «Да, сложный случай. Не взяли».

«Теперь-то куда?»

Еврейский центр. Миллион за стенты на ногу. Это для начала. Лечение после.

«А вот Маша лечилась там-то. Поедем?»

Полгода платной медицины. Это же три миллиона. На всю жизнь дети в долгах. Но чисто, со вниманием, отдельная палата, врачи всех профилей, все отхимичили в срок. В марте пришел ответ из страховой компании. Перешли на бесплатную. Это уж после того, как внука:

— Бабушка, ну, нет же денег, пойми, ни у кого.

Теперь в Боткинской. Сначала муж сам ходил, потом на каталке.

Татьяна рассказывала соседу по палате в нейрохирургии о своих мытарствах и сама не верила себе. Неужели это все про них? Про ее мужа, про нее, про ее детей?

— Триста тысяч в день? — слушатели не верили. Переспрашивали.

Теперь ни сам, ни на кресле, перевозка лежачих. Опять деньги, кровать — тоже платно. Лекарства...

— А ПЭТ/КТ вам больше не положено. Лимит закончился.

Но сделали...

Почему-то опять опухла нога...

Татьяна вышла за хлебом.

— Тебе хорошо, — говорил муж, — а я как в заточении.

И правда, хорошо. Татьяна подняла голову, посмотрела на небо. Наполненное светом, оно посылало земле надежду, освещало березы, клены, междомовый асфальтовый проезд, играло пятнами на яркой траве, отражалось на листьях, зажигало свечи на каштанах. Кто-то осторожно погладил Татьяну по голове, обнял за плечи. Скользнуло по руке, и она вспомнила, что родилась в мае и сейчас ее каштановое время, и оно даст им силы на долгий путь. Дай Бог!

ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ И В ПОМЕЩЕНИИ

В последнее время мы с братом встречаемся всё реже. Он вышел на пенсию, я же продолжаю работать. Возможно, покажется странным, что я, старшая по возрасту и занятая научной деятельностью, время от времени сажусь на метро и еду к нему из центра на окраину, где в далёкие восьмидесятые родители получили квартиру вместо коммуналки в центре. Иногда я приглашаю его к себе, но он всегда отнекивается,

ссылаясь на то, что очень занят.

В детстве мой брат мечтал о море. Помнится, как, размотав рулоны туалетной бумаги, он, зажав в руке игрушечную лодку, то поднимал ее на гребень, то, издавая какие-то рычащие звуки, опрокидывал в ложбину. К сожалению, флота у него не было, и эта единственная пластмассовая игрушка с облезлой сине-голубой краской долго кружила в водах. Повышенный интерес к лодочке испытывал не только брат, но и вертлявая собачонка, которую он притащил как-то из-под обломков разрушенной во дворе старой котельной, построенной на месте деревянных сараев. Сколько раз мне приходилось вытаскивать измятую, со следами собачьих зубов лодочку из слюнявой пасти. Однажды четвероногая тварь и вовсе разгрызла ее на части, разбросав по полу куски изжеванной пластмассы.

Мама, желая смягчить удар, нанесенный сердцу ее любимого сына, тут же побежала в магазин, находящийся неподалеку, и купила другую лодочку, блестящую яркой бело-голубой краской. К удивлению домочадцев, ни брат, ни собачка ею не заинтересовались, и бесцветная пластмассовая жизнь бездарно прошла на дне коробки рядом с другими игрушками.

На смену лодочке пришел диван, превращавшийся время от времени в лайнер с помощью нагромождений из опрокинутых стульев. "Капитану" для полного счастья не хватало бескозырки.

После очередного похода к зубному, сделав изрядный крюк в маршруте, мама и брат вернулись домой позже, чем их ожидали увидеть. Ещё бы, кроме "Тимура", где они совершили столь блистательную покупку, дождался очередного рейса речного трамвайчика, покачиваясь на трапе, поднялись на теплоход "Москва".

Я представляю, как мальчик рвался в машинное отделение, а мама крепко держала за руку и твердила, чтоб не крутился под ногами у матросов. Наконец пришли к согласию, расположившись на корме. Здесь бурлила пена, и едкий запах дизеля нет-нет вырывался сизым облаком из машинного отделения. Мальчик в восторге втягивал воздух в лёгкие и, придерживая рукой обновку, спасал её от ветра, мама прикрывала нос надушенным платочком. Домой вернулись к одиннадцати. Папа негодовал: «Почему так долго?!» Но, увидев на голове у сына белую бескозырку с горящими золотом буквами на ободке и развевающимися сзади ленточками, свой гнев смирил. Помнится, брат красовался в ней долго. На фотографиях того времени пяти-шести-и даже восьмилетний мальчик до сих пор козыряет своей бескозыркой, лихо задрав подбородок.

Очевидно, именно эта деталь его одежды, а может быть, мечтательно-восхищённый взор, привлекли внимание безусого капитана, пригласившего мальчика в капитанскую рубку на борту метеора, уносящего пассажиров по волнам Маркизовой лужи к Петергофу. Когда же капитан на свой вопрос, кем хочет стать мальчик, когда вырастет, получил ответ, то тут же кивнул на руль. Мальчик, заменив штурвального, взялся за руль, и... совершилось чудо. Он почувствовал себя, если не богом, то неким всемогущим существом, которому подвластен и этот корабль, и море, и слившееся с ним небо. От волнения ладони стали влажными и липкими. Лёгкая дрожь мотора приятно отдавала в ступнях, бегала по телу и стучала в теле. От всего этого он ощутил такое счастье, что, наверно, запомнилось, если не навсегда, то надолго.

В память об этом головокружительном круизе в Гостином дворе купили ослепительно белый, с палубами и шлюпками, с канатами и якорем заводной лайнер. Его следовало испытать. И на одном из подмосковных водоемов состоялся запуск. На берегу собралось изрядное количество зевак. Они тянули шеи, глаза горели любопытством. Отец достал ключ, завел и опустил корабль в воду. Мотор работал вовсю. Разбрасывая брызги, лайнер сперва не спеша, а потом всё быстрее и быстрее шёл, то задирая на полном ходу нос, то выделявая кренделя, совершал крутые резкие повороты. Публика замерла в радостном возбуждении. И вдруг неожиданная тишина повисла над прудом. Корабль замер, качнулся и навсегда исчез в пучине пресноводья. Никто из стоявших на берегу не решился на его поиски.

В этот день брата еле дозвались к ужину: строительство замков на куче привезенного утром песка грозило превратиться в новый исторический виток жизни нашей семьи. Расставленные тут и там домики сделали комнаты похожими на музей архитектуры. Но вскоре прошло и это увлечение...

Работая то в одном, то в другом месте, брат часто слышал, брошенный ему вслед приговор: «Летун». Правда, свою детскую мечту он осуществил, но не на море, а в поле, проработав несколько лет в страду комбайнёром. Он говорил, что ощущения очень похожи и земля нисколько не хуже моря.

С выходом на пенсию брат вернулся к морской тематике: вырезает из кусков древесины корабли, применяя для этого неизвестные мне инструменты, тщательно шлифует и долго возится с покраской, используя для этого то бесцветный лак, то

кипенно- белую краску или бело-голубую. Вспоминая историю, он дает своим детям имена, связанные с краеведением, прошлым или литературой. Мне кажется, что выбор названия самый ответственный момент в его творчестве. Иногда он звонит мне и просит совета. Когда я попадаю в мастерскую, иначе я не могу назвать его комнату в старом брежневском доме, глаза разбегаются. Но я отдаю предпочтение одному: крейсеру с именем «Белые одежды», поскольку именно Дудинцеву я обязана выбором своей специальности.

ХОРОШИЙ МОЙ

Уже темнело, когда мы с мамой поднялись на второй этаж универа, где она преподавала начертательную геометрию. Я бывал у неё на работе и раньше, но сегодня она повела меня по какой-то пустой лестнице, по другому коридору. Подошли к двери с блестящей табличкой с крупными строгими буквами. Успел разобрать первую: «Д». Только стал придумывать слова на эту букву: «дедушка», «дом», как дверь отворилась. На пороге стоял мужчина, мне показалось, что я видел его когда-то раньше, но кто он, вспомнить никак не мог.

Он сказал маме: «Ты можешь спуститься к себе, мы сами разберёмся». Мама посмотрела на меня так же странно, как в тот день, когда привела впервые в детский сад. Вероятно, волновалась. Подтолкнула вперед к этому мужчине и сказала:

— Иди, я скоро приду.

Мне почему-то стало жарко, захотелось заплакать, но человек взял меня за руку, повёл в комнату и закрыл за нами дверь. Я очень расстроился, что без мамы, но он потрепал меня по голове, подвёл к большому письменному столу, сел на стул, меня посадил к себе на колени, достал бумагу, большую коробку с цветными карандашами и со словами:

— Я слышал, ты хорошо рисуешь? — пододвинул их ко мне, открыл коробку. Да, рисовать я любил, в детском саду мои работы всегда вывешивали на стенде в игровой комнате. — Нарисуй что-нибудь для меня. Например, эту машинку.

Он опять выдвинул ящик и достал коробочку. Через прозрачную упаковку я увидел ярко-красную машинку. Точно такую же, как однажды приносил в детский сад Вовка. Мне захотелось поиграть, но мужчина протянул карандаш, и я начал рисовать.

Пока, закусив по своему обыкновению губу, выводил линии, потом разрисовывал картинку, мужчина время от времени взъерошивал мне волосы, нюхал их, один раз даже поцеловал в макушку и прошептал:

— Хороший мой. Хороший, — а потом, когда я закончил рисунок, он сказал: — Теперь напиши: «Папе от Саши».

Я сказал, что не умею. Тогда он взял мою руку, положил на бумагу и, обводя каждый палец, нарисовал мою ладонь.

Когда в дверь постучали и вошла мама, мужчина опять поцеловал меня в макушку и опять сказал:

— Хороший мой.

Я посмотрел на коробочку с машинкой, папа протянул ее и сказал:

— А рисунок оставлю себе. Можно? И не забудь карандаши. Пригодятся.

Я кивнул и подумал: «Машинку завтра возьму с собой в детский сад, скажу, что папа подарил».

ЗВЕЗДОЧКИ

Запах гари, нервные крики «отойдите, отойдите от машины!», потная рука мамы, утягивающая за обочину, где сначала долго стояли. Потом папа взял на руки, и она, Настя, уснула. Она не видела, как приехала аварийка и мужчины в замасленных комбинезонах, открыв капот, отвинчивали, вытаскивали, меняли и как, наконец, дедушка, когда уже синело в воздухе, сел за руль и они поехали. Сначала по темнеющей трассе с редкими огнями, где машины спешили скорее добраться до дома, чтобы их владельцы успели к пятничному ужину, потом по узкому шоссе, где редкие огни встречных машин обдавали яркими вспышками.

Девочка, которую теперь на руках держала мама, время от времени вздрагивала, если ее личика касался исполох, и один раз даже вскрикнула во сне. Она не видела, как машина свернула на проселочную дорогу и поплыла в уснувшем разнотравье и как в нескольких метрах от них пролетели, оторвавшись от земли, две испуганные косули

и все в машине ахнули от неожиданности и восторга, а водитель чертыхнулся и чуть было не свернул машину в кювет.

Она открыла глаза лишь тогда, когда другой дедушка, подбежав к открытой дверце, взял ее из рук мамы и положил на свои. Лицом к небу, и Настины глазки встретились с полуночно-синим, самым-самым темным небом, освещенным золотым сиянием тысяч горящих точек.

— Звездочки, звездочки! — вскрикнула девочка, счастливо протягивая к ним руки, как встречаются с родными и любимыми после долгой разлуки.

Но, едва дедушка вошел на крыльцо, опять уснула и уже во сне летала от звезды к звезде. Сначала робко, будто чего-то боясь, а потом все смелее и смелее под переливчатый колокольчиковый перезвон.

МОЖЕТ БЫТЬ...

Ей уже перевалило за пятьдесят, когда на одной из конференций, где она оказалась совершенно случайно, к ней подошёл мужчина. Средних лет, проседь в волосах, отличный костюм явно европейского производства и сам под стать и костюму, и безупречной белизне рубашки, и галстуку, темно-синему. Глаза спокойные, холодно-ватые за линзами в тонкой золотистой оправе.

— Простите, — сказал он, произнося слова с каким-то жестким акцентом, медленно выуживая слова из коробочки памяти, — я первый раз в вашем городе, у меня здесь нет знакомых. Вот, — он вынул из внутреннего кармана билеты. Нам вручили два билета в Большой, а я один. Могли бы вы составить мне компанию?

«Почему бы нет, в Большом не была черти сколько».

— Когда надо идти? — ответила официальным тоном, не пытаясь его смягчить, придать оттенок личного и доброжелательного.

— Сегодня. Сейчас.

— Да, хотелось бы, но я не при параде.

Она представила себя в Большом и подумала: «Комильфо ли? Правда, строгий чёрный костюм с намеком на гипюровую вставку у шеи, изящные сапожки на узких каблучках, вполне приемлемы».

Проседь в волосах поднял брови, улыбнулся и по-старомодному предложил даме согнутый локоток. Так все у них началось.

«Уже пять лет, — думала она, пробираясь к своему креслу в самолете, — и кому это все нужно, зачем. Нужны друг другу? Да, она без него одинока, и то, что мотается между Москвой и Мюнхеном, заполняет ее жизнь, с ним она и любовница, и мать. Но могла бы праздниками иначе распорядиться. Да, хоть куда. А он? Пусть бы сидел за своим компом и Рождество, и Новый год. Она-то тут при чем? Подавать бульон, лекарства? А чуть отпустит, бежит в институт, окна напротив, одно только и светится на гигантской пластине праздничного учреждения. А она одна. Смотрит на окно, подперев щеку, и ругает себя: «Зачем я здесь? Пять лет, пять лет...»

Началось очень романтично. Встреча в аэропорту с цветами, чистота в доме такая, будто все только что завезли. Ужин и душ при свечах, легкий аромат постели. За неделю объездили всю Баварию, заскочили в Зальцбург, поднялись в Альпы. Да, и было произнесено заветно-дамское, и колечки обручальные в коробочке. «Почему отложила? Испугалась чужого? Своего плохого немецкого? Правильно сделала. Сидела бы круглый год клушей при стареющем муже. Без работы, без родных и знакомых. А так что? Вольная птица».

Но почему, когда она поднимается по трапу, так щемит сердце?

С отпуска до отпуска, с Рождества до Рождества.

«Ну, что он пьет бульон из кубиков?! Сварила бы ему настоящий. Здесь такие куры, и бульон из них курицей пахнет, а не специями. А на завтрак их омлет или наши сырники... Вот выйду на пенсию, может быть, тогда... Может быть...»